

Об этом человеке носились странные слухи: говорили, что он был нелюдим, ни с кем не знался, вечно сидел один, занимаясь химией, проводил жизнь за микроскопом, читал даже за обедом и ненавидел женское общество. О нём сказано в «Горе от ума»:

— Он химик, он
ботаник, Князь Фёдор,
наш племянник,

От женщин бегаёт и даже от меня.

Мои родственники называли его не иначе как Химик, придавая этому слову порицательный смысл и подразумевая, что химия вовсе не может быть занятием порядочного человека.

С самого начала нашего знакомства Химик увидел, что я серьёзно занимаюсь, и стал уговаривать, чтоб я бросил «пустые» занятия литературой, а принялся бы за естественные науки. Он дал мне речь Кювье о геологических переворотах и де Кандолеву растительную органографию. Видя, что чтение идёт на пользу, он предложил свои превосходные собрания, снаряды, гербарии и даже своё руководство. Он на своей почве был очень занимателен, чрезвычайно учён, остёр и даже любезен; но для этого не надобно было ходить дальше обезьян; от камней до орангутанга его всё интересовало, далее он неохотно пускался, особенно в философию, которую считал болтовнёй. Он не был ни консерватором, ни отсталым человеком, он просто не верил в людей, то есть верил, что эгоизм — исключительное начало всех действий, и находил, что его сдерживает только безумие одних и невежество других.

Меня возмущал его материализм. Поверхностный и со страхом пополам вольтерианизм наших отцов несколько не был похож на материализм Химики. Его взгляд отличался спокойствием, последовательностью, завершёностью и напоминал известный ответ Лаланда Наполеону. «Кант принимает гипотезу бога», — сказал ему Бонапарт. «Государь, — возразил астроном, — мне в моих занятиях никогда не случалось нуждаться в этой гипотезе».

Взгляд его становился ещё безотраднее во всех жизненных вопросах.

Он находил, что на человеке так же мало лежит ответственности за добро и зло, как на звере; что всё — дело организации, обстоятельств и вообще устройства нервной системы, от которой больше ждут, нежели она в состоянии дать. Семейную жизнь он не любил, говорил с ужасом о браке и наивно признавался, что он прожил тридцать лет, не любя ни одной женщины. Впрочем, одна тёплая струйка в этом охлаждённом человеке ещё оставалась, она была видна в его отношениях к старушке матери; они много страдали вместе от отца, бедствия сильно сплывали их; он трогательно окружал одинокую и болезненную старость её, насколько умел, покоем и вниманием.

Теорий своих, кроме химических, он никогда не проповедовал, они высказывались случайно, вызывались мною. Он даже нехотя отвечал на мои романтические и философские возражения; его ответы были коротки, он их делал улыбаясь и с той деликатностью, с которой большой, старый мастиф играет со шпиком, позволяя ему себя теревить и только легко отгоняя лапой. Но это-то меня и дразнило всего больше, и я неумоимо возвращался к разговору, не выигрывая, впрочем, ни одного пальца почвы. Впоследствии, то есть лет через двенадцать, я много раз поминал Химику так, как поминал замечания моего отца; разумеется, он был прав в трёх четвертях всего, на что я возражал. Но ведь и я был прав. Есть истины, которые, как политические права, не передаются раньше известного возраста.

Влияние Химики заставило меня избрать физико-математическое отделение; может, ещё лучше было бы вступить в медицинское, но беды большой в том нет, что я сперва посредственно выучил, потом основательно забыл дифференциальные и интегральные исчисления.

Без естественных наук нет спасения современному человеку, без этой здоровой пищи, без этого строгого воспитания мысли фактами, без этой близости к окружающей нас жизни, без смирения перед её независимостью — где-нибудь в душе остаётся монашеская келья и в ней мистическое зерно, которое может разлиться тёмной водой по всему разумению.

(По А. И. Герцену*)

Александр Иванович Герцен (1812-1870) — русский публицист, писатель, педагог, философ, автор мемуарной хроники «Былое и думы».